

The main characteristics of conflict relations on the Internet

Jakhongir MUKHITDINOV¹

Tashkent state university of law

ARTICLE INFO

Article history:

Received June 2022

Received in revised form
25 June 2022

Accepted 25 July 2022

Available online

20 August 2022

Keywords:

the Internet,
network,
information,
conflict of laws,
internet activity,
content,
applicable law,
jurisdiction and IP-address.

ABSTRACT

This article examines the influence of the Internet on the conflict rules established in private international law. The author analyzes the emerging legal problems in connection with the increase in cross-border interaction using the Internet.

2181-1415/© 2022 in Science LLC.

DOI: <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol3-iss4-pp39-45>

This is an open access article under the Attribution 4.0 International (CC BY 4.0) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>)

Интернет тармоғида коллизия муносабатларнинг асосий хусусиятлари

АННОТАЦИЯ

Калит сўзлар:

Интернет,
тармоқ,
ахборот,
коллизия ҳуқуқ,
интернет фаолият,
контент,
қўлланиладиган ҳуқуқ,
юрисдикция ва IP-манзил.

Ушбу мақолада Интернет тармоғининг халқаро хусусий ҳуқуқда белгиланган коллизия нормаларга таъсири кўриб чиқилади. Муаллиф томонидан Интернет тармоғидан фойдаланилган ҳолда трансчегаравий ўзаро ҳамкорликнинг кучайиши муносабати билан пайдо бўлаётган ҳуқуқий муаммолар таҳлил қилинади.

¹ Department prosecutor of the Prosecutor General's Office of the Republic of Uzbekistan, independent researcher of Tashkent state university of law.

Основные характеристики коллизионных отношений в сети Интернет

АННОТАЦИЯ

Ключевые слова:

Интернет,
сеть, информация,
коллизионное право,
интернет-активность,
контент,
применимое право,
юрисдикция и IP-адрес.

В данной статье рассматривается влияние сети Интернет на коллизионные нормы, установленные в международном частном праве. Автором проводится анализ правовых проблем в связи с увеличением трансграничного взаимодействия с использованием сети Интернет.

Расширение цифровых сетей и повсеместный характер онлайн деятельности и облачных сервисов привели к резкому увеличению не только числа международных операций и ситуаций, но и их сложности. Возрастание трансграничного взаимодействия с помощью цифровых сетей облегчает транзакции и отношения даже между сторонами, которые не знают физическое местоположение других участников. Мгновенная и безграничная передача информации через Интернет расширила предоставление услуг и использование нематериальных прав в глобальном масштабе. Онлайн-сервисы сделали обычным делом для потребителей заключение международных контрактов из своей страны. Деятельность, осуществляемая через Интернет, может иметь значительные последствия одновременно в большом количестве юрисдикций, независимо от национальных границ. Это имеет особое значение в таких областях, как нарушение прав интеллектуальной собственности и прав человека.

Национальные государства в состоянии регулировать интернет-активность и контент в отношении использования Интернета лицами на их соответствующих территориях, но регулирование поведения в Интернете тех, кто находится в других юрисдикциях, создает дополнительные трудности. Повсеместный характер Интернета и потенциально глобальный охват онлайн-контента в ситуациях, когда к нему можно получить доступ независимо от физического местоположения, затрудняют контроль за определенными действиями в Интернете и создают серьезные проблемы для традиционных правоохранительных механизмов. В то же время параллельное соблюдение нескольких законов из разных юрисдикций становится значительным бременем для поставщиков интернет-услуг и контента и может привести к фрагментации определенных услуг, которые не могут предоставляться глобально на одних и тех же условиях. Однако проблемы, стоящие перед правоохранительными органами, и бремя, которое ложится на поставщиков услуг, не следует переоценивать в свете имеющихся механизмов мониторинга онлайн-деятельности и осуществления мер, ограниченных по территориальному признаку.

Более того, соблюдение обязательных законов нескольких юрисдикций поставщиками интернет-услуг и контента, по-видимому, является разумным следствием их выбора извлечь выгоду из виртуальной деятельности во всех этих юрисдикциях или попытаться обслуживать все эти рынки. Такой результат также соответствует особо важным общественным интересам, которые призваны защищать международно-императивные положения. Кроме этого нередко

международные поставщики онлайн-услуг управляют различными веб-сайтами, в основном предназначенными для отдельных (национальных) рынков, или корректируют содержание и услуги другими способами в соответствии с конкретным местоположением пользователя Интернета. Например, теоретически глобальный охват интернет-контента контрастирует с широким использованием локализованной целевой рекламы. Преимущества поддержания глобального Интернета, основанного на предоставлении услуг без территориальных ограничений, как элемента, способствующего инновациям и росту, должны быть сбалансированы со значительными рисками, которые такая модель создает для политических целей, моральных и политических ценностей, а также основных прав, которые могут варьироваться от страны к стране. Территориальные ограничения, касающиеся доступности онлайн-сервисов и контента, совместимы с сохранением глобальной связи нейтрального логического уровня интернет-архитектуры.

Международное частное право предназначено для регулирования ситуаций и отношений между частными сторонами, в которых присутствует иностранный элемент. Она направлена на смягчение неопределенностей, возникающих в связи с многообразием (национальных) правовых систем, сосуществующих в мире, и на содействие их координации. Такая неопределенность касается того, в какой степени споры, касающиеся деятельности и сделок, связанных с несколькими странами, могут рассматриваться судами данной юрисдикции. Аналогичным образом, путаница может также касаться определения сферы применения соответствующих законов множества стран, связанных с ситуацией, и выбора закона или законов, которые должны применяться к соответствующим вопросам. Масштабы принятых мер особенно важны в онлайн-контексте, в котором применение внутреннего законодательства к определенным видам деятельности может повлиять на доступность контента через Интернет и, следовательно, оказать глобальное воздействие. Кроме того, условия, при которых иностранное судебное решение может быть признано и приведено в исполнение, особенно важны для эффективной защиты прав в трансграничных ситуациях.

Ограниченный охват саморегулирования, а также отсутствие единых правил, принятых межправительственными международными организациями в отношении деятельности в Интернете, влияют на роль международного частного права в регулировании трансграничных онлайн-отношений. С глобальной точки зрения практическая важность вопросов международного частного права усиливается наличием в определенных областях существенных различий между национальными материальными законами.

Международное частное право основано на готовности государств сотрудничать – или, по крайней мере, обеспечивать координацию – в вопросах частного права. Такая готовность основана на предположении, что определенные трансграничные ситуации могут иметь достаточно значительные связи с несколькими странами, чтобы суды всех из них могли быть компетентны рассматривать иски, вытекающие из рассматриваемой ситуации. Следовательно, механизмы координации, такие как механизмы, касающиеся судебных решений и связанных с ними действий, могут быть внедрены с целью смягчения проблем, возникающих в результате параллельных разбирательств. Координация в вопросах частного права также основывается на предположении, что нормы материального

права, касающиеся частных отношений, в определенной степени взаимозаменяемы с нормами других правовых систем. Следовательно, существует вероятность того, что суды применят иностранное частное право к трансграничному спору.

В контексте Интернета практические соображения, такие как справедливость или удобство для сторон, лежащие в основе готовности государств сотрудничать друг с другом в вопросах частного права, особенно важны, а также выгоды, которые можно ожидать от сотрудничества. Эти преимущества включают предоставление механизмов для регулирования действий, совершаемых за рубежом, и смягчение юрисдикции и нормативных требований государств.

Тем не менее, обоснование такого рода сотрудничества ограничивается вопросами частного права. В сфере уголовного и налогового права, а также в других областях государственного правоприменения, в которых органы власти осуществляют полномочия по вмешательству и налагают санкции публичного права, государства традиционно не внедряли аналогичные механизмы координации или сотрудничества. Даже если в некоторых областях достигнут определенный уровень гармонизации, о чем свидетельствует Конвенция Совета Европы о киберпреступности 2001 года, преобладает строгая взаимосвязь между судом или государственным органом и применимым законодательством. Помимо гражданских и коммерческих вопросов, признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений и другие механизмы координации, такие как специальные правила в отношении судебных решений и связанных с ними претензий, в принципе недоступны.

Развитие расширенного международного сотрудничества в отношении онлайн-деятельности, несомненно, имеет большое значение помимо гражданских и коммерческих вопросов, о чем свидетельствуют вопросы, касающиеся доступа к пользовательским данным и удаления контента в рамках уголовного судопроизводства, но выходит за рамки международного частного права. Несмотря на это, следует отметить, что в некоторых особенно важных областях, таких как защита данных, частное и государственное правоприменение могут тесно переплетаться. Общий режим ЕС по защите данных особенно показателен в этом отношении. Право субъекта данных подать жалобу на контролера или обработчика в надзорный орган параллельно с его или ее правом подать гражданско-правовой иск в суд. Жалоба на надзорный орган может привести только к наложению санкций публичного права, в частности административных штрафов. Гражданско-правовой иск в суд необходим, если субъект данных стремится получить компенсацию от контролера или обрабатывающих данные лиц за ущерб, причиненный в результате нарушения правил защиты данных.

Коллизионное право – это свод законов, который может быть особенно полезен в качестве инструмента для достижения предсказуемости и взаимодействия между правовыми системами в глобальном контексте Интернета. Сфера автономии сторон и свобода сторон договариваться о компетентных судах (или передаче споров в альтернативные механизмы разрешения споров) и применимых нормах в качестве основного принципа современных систем международного частного права также обеспечивают основу для координации национальных правовых систем с инструментами саморегулирования и транснациональным правом. Эта функция облегчает составление интернет-сделок

B2B таким образом, что в значительной степени можно избежать коллизионных вопросов между вовлеченными сторонами. В этом отношении также имеет значение взаимодействие между национальными правовыми системами и механизмами саморегулирования, реализуемыми некоторыми поставщиками услуг, такими как онлайн-рынки и платформы, которые включают системы урегулирования трансграничных споров между пользователями.

Отличительные признаки вопросов, связанных с судебным запретом в режиме онлайн, оказывают существенное влияние на предыдущие правовые парадигмы в области международного частного права. Традиционные правила юрисдикции и выбора права были разработаны для случаев, связанных с контактами с несколькими территориальными образованиями, основанными на географических соображениях. Территориальные связующие факторы, традиционно используемые в этих правилах, могут привести к значительной неопределенности при применении к поведению в Интернете. Деятельность и транзакции в Интернете связаны не с физическим взаимодействием, а с обменом информацией между отдельными лицами с участием одного или нескольких посредников. Несмотря на это, многие онлайн-транзакции могут быть завершены традиционными способами, такими как физическая доставка материальных товаров.

Особые сомнения возникают в отношении местонахождения онлайн-активности, а также определения и объема юрисдикции для рассмотрения связанных с ней претензий. Повсеместный характер онлайн-коммуникаций влияет на применение неспецифических коллизионных норм, которые традиционно в значительной степени связаны с физическими и территориальными границами. Показательным в этом отношении является расширение безграничных и децентрализованных систем Distributed Ledger Technology (DLT) и их использование в деловых операциях. Возникает неопределенность в отношении места исполнения определенных обязательств, местонахождения активов, зарегистрированных в регистрационных журналах DLT, или места выпуска ценных бумаг, зарегистрированных в системе DLT. В интернет-правонарушениях место действия обычно отличается от места причинения вреда. Многие онлайн-дела касаются так называемого рассеянного вреда, когда место действия и места нанесения вреда может стать особенно трудным для определения. Кроме того, отсутствие связи между последствиями деятельности в Интернете и географическими границами способствует возможности того, что несколько государств заявляют о своей юрисдикции для рассмотрения споров, возникающих в связи с конкретной деятельностью. Поведение в Интернете потенциально может установить контакты практически со всеми юрисдикциями, создавая угрозу универсальной юрисдикции в отношении интернет-участников и создавая риск для операторов веб-сайтов быть привлеченными к ответственности во множестве юрисдикций. Поэтому для обеспечения сбалансированных ответов в отношении трансграничной онлайн-деятельности необходимо уточнить факторы связи, не относящиеся конкретно к Интернету.

Физическое местоположение теряет значение в онлайн-транзакциях, однако разработка и распространение инструментов геолокации облегчают применение положений и мер, основанных на территориальных связях. Первоначальные

интернет-технологии были задуманы для глобального доступа, но позже была разработана технология фильтрации, основанная на значении IP-адресов как надежных указаний на физическое местоположение. В частности, технологии геолокации стали очень точными для определения местоположения людей, заходящих на веб-сайты. Это событие в значительной степени влияет на способность операторов интернет-сайтов контролировать местоположение тех, кто получает доступ к предоставляемому ими контенту, и организовывать их онлайн-активность, ограничивая их территориальный охват. Хотя определенное использование технологий геолокации может подрывать открытость и глобальный характер Интернета, такая технология является ценным инструментом для интернет-участников не только в маркетинговых целях, но и для контроля юридических рисков, возникающих в результате повсеместного распространения деятельности в Интернете. Доступность технологий геолокации важна при применении юрисдикционных норм и правил выбора права к деятельности в Интернете, в частности, когда необходимо установить, направлена ли определенная деятельность на определенную территорию или оказывает значительное влияние на нее.

Роль международного частного права как инструмента содействия взаимодействию между правовыми системами должна быть сбалансирована с тем фактом, что эта область права в значительной степени остается национальным правом, поскольку всемирная унификация коллизионных норм является исключением. Практически не существует единых обязательных международных частных правил, регулирующих деятельность в Интернете, принятых в рамках международных организаций. Отсутствие единообразия в подходах государств подрывает правовую определенность на международном уровне. Вышеизложенное отражает ситуацию, в которой вопросы юрисдикции являются источником неопределенности. Юрисдикция и выбор правовых норм, применимых в каждом конкретном случае, зависят от места, где испрашивается помощь. Неопределенность в отношении трансграничного признания и исполнения судебных решений также подрывает предсказуемость судебных разбирательств, связанных с деятельностью в Интернете.

В отличие от этого, в европейском контексте мнение о том, что коллизионное право является областью права, которая особенно специфична для конкретной юрисдикции, не соответствует действительности. Напротив, международное частное право – это совокупность частного права, где унификация в рамках ЕС была достигнута в большей степени. С момента наделения ЕС компетенцией в области международного частного права, включая международный гражданский процесс, в Амстердамском договоре законодательство ЕС стало свидетелем беспрецедентной унификации в этой области. В соответствии со статьей 81 TFEU (с поправками, внесенными Лиссабонским договором) ЕС обладает компетенцией принимать меры в этой области, «особенно когда это необходимо для надлежащего функционирования внутреннего рынка». ЕС принял значительное количество нормативных актов в этой области. Унификация посредством нормативных актов как инструментов общего применения, полностью обязательных и непосредственно применимых во всех государствах-членах, рассматривается в области международного частного права как необходимая для достижения уровня определенности, необходимого для надлежащего функционирования внутреннего рынка. Эти документы включают общие правила в отношении международной юрисдикции, выбора права и взаимного признания и

приведения в исполнение судебных решений в большинстве областей коммерческого и гражданского права, имеющих отношение к деятельности в Интернете, особенно в результате Регламента Брюссель I (пересмотренного), Правил Рим I и Рим II. Законодательство по конкретным вопросам также уделяет все большее внимание вопросам коллизионного права, о чем свидетельствует Общий регламент по защите данных и документы, устанавливающие единые права интеллектуальной собственности.

В зарубежной доктрине был выработан принцип наиболее тесной связи частноправового отношения с правопорядком двух и более государств. Суть этого принципа заключается в том, что международно-частноправовые отношения с иностранным элементом должны регулироваться правом страны, с которой он наиболее тесно связан. Такой подход способен обеспечить гибкость и эффективность коллизионно-правового регулирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. D. Harvey. Collisions in the Digital Paradigm (Law and Rule Making in the Internet Age). Oxford, Hart, 2017. – PP. 111–12.
2. S. Biegel. Beyond Our Control? (Confronting the Limits of Our Legal System in the Age of Cyberspace). Cambridge, The MIT Press, 2001. PP. 51–95.
3. P.S. Berman, The Globalization of Jurisdiction. U.Pa. L.Rev., vol. 151, 2002, – PP. 311–545.
4. A.D. Murray. Mapping the Rule Law for the Internet. Cheltenham, Edward Elgar, 2017, – PP. 13–33.
5. U. Kohl. Jurisdiction and the Internet (Regulatory Competence over Online Activity). Cambridge University Press, 2007, – PP. 211.
6. P.P. Swire. Elephants and Mice Revisited: Law and Choice of Law on the Internet. U.Pa.L. Rev., vol. 153, 2005, – PP. 1975–2001.
7. F.F. Wang. Internet Jurisdiction and Choice of Law (Legal Practices in the EU, US and China). Cambridge, Cambridge University Press, 2010, – P. 7.
8. I. Pretelli. Improving Social Cohesion through Connecting Factors in the Conflict of Laws of the Platform Economy. Zurich, Schulthess, 2018, – PP. 17–52.
9. J. Lipton. Rethinking Cyberlaw (A New Vision for Internet Law), Cheltenham, Edward Elgar, 2015, – P. 2.
10. J. Hörnle. The Jurisdictional Challenge of the Internet. 3rd ed., Oxford, Hart, 2009, – PP. 121–158.
11. T. Lutzi. Internet Cases in EU Private International Law–Developing a Coherent Approach. ICLQ, vol. 66, 2017, – PP. 687–721.
12. F. Jault-Seseke. Internet, vecteur d’affinement des règles de compétence juridictionnelle’, Internet et le droit international (Colloque SFDI de Rouen), Paris, Pedone, 2014, – PP. 167–180.
13. M. Trimble. The Future of Cybertravel: Legal Implications of the Evasion of Geolocation, Fordham Intell. Prop. Media & Ent. L.J., vol. 22, 2012, – PP. 567–657.
14. M.A. Geist. Is There a There There? Toward Greater Certainty for Internet Jurisdiction. Berkeley Tech. L.J., vol. 16, 2001, – P. 1345.